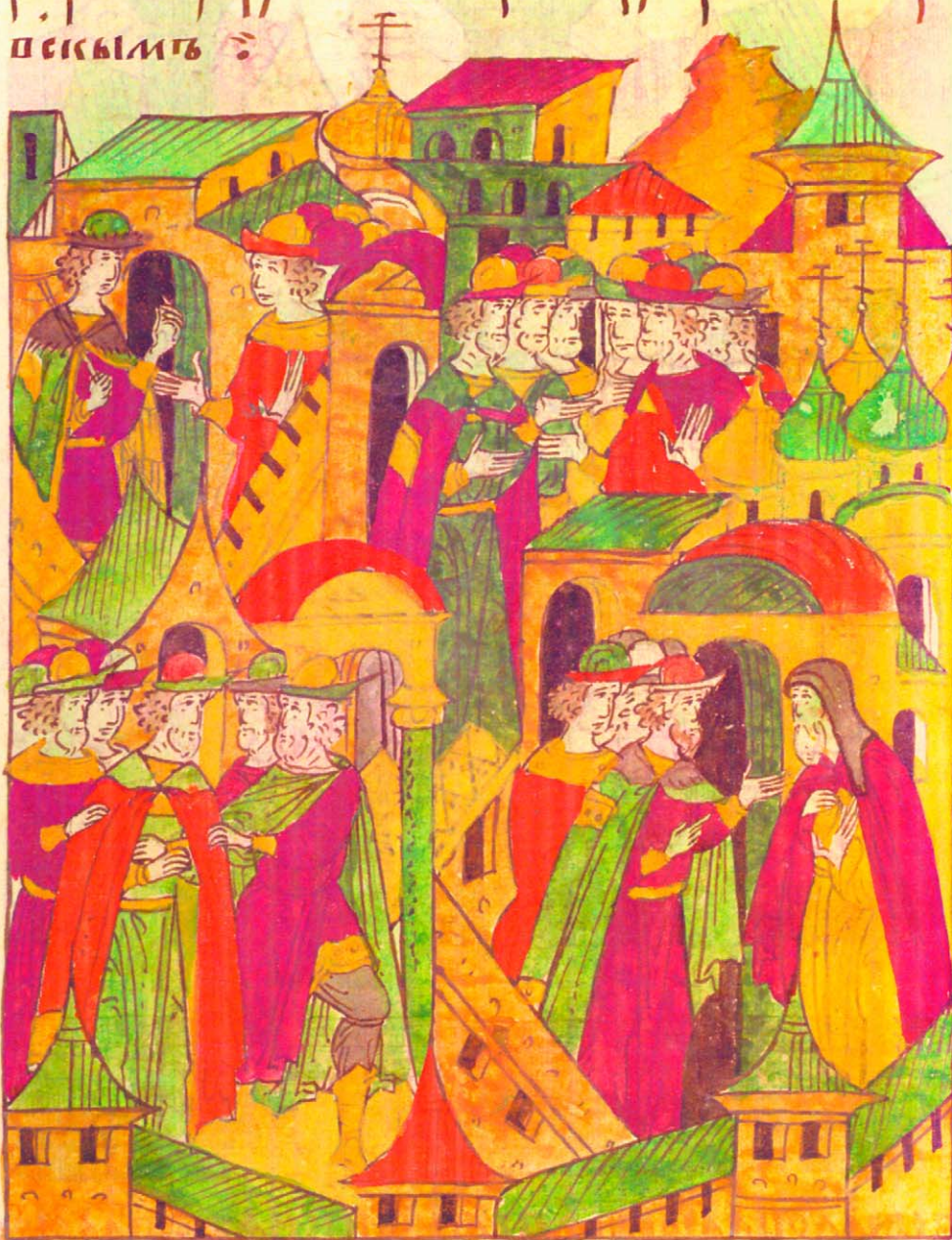

рецикомоундѣтѣмъ борскн дворопынещю
пескымъ

О поимани князя
Ивана Бельского. Той
же зимой 2-го января
взят был великого
князя боярин князь
Иван Федорович
Бельский без великого
князя ведома,
советом боярским,
из-за того, что его
государь князь
великий у себя
в приближении
держал и в перво-
советниках, да
митрополита
Иоасафа. И бояре
о том вознегодвали

О поимани князя
Ивана Бельского
Той же зимы, пѣноуаря. О поиманъ бы
ликого князя боярина, князя Ивана Федо
ровича Бельского. кез пеликаго князя до
ма. советомъ боярскимъ, то горади
што его государь князь великий у себя в приближе
нии держал перпосоветникъ. да митро
полита Иоасафа. и боярѣ томъ вознего

Начало царствования Ивана Грозного:

по страницам летописей

Дмитрий Боровков

Первые упоминания об Иване IV как о правителе появляются на страницах летописей с декабря 1533 года, когда в возрасте чуть более трех лет он стал преемником своего отца Василия III (и самым молодым правителем на Руси). Интерпретация их представляется затруднительной, ибо ни к этому моменту, ни к апрелю 1538 года, когда умерла правившая за него мать – Елена Глинская, он еще не сформировался как личность, и едва ли был способен на действия, которые приписывают ему летописцы, хотя летописание тех лет пестрит формулами: *«пожаловал князь великий...»*, *«князь великий повелел...»*, *«князь великий послал...»* и т. п. Есть основания полагать, что действительность была иной, ибо очень скоро вся полнота власти оказалась в руках княжеского клана Шуйских. Во главе его стоял князь Василий Васильевич Шуйский по

прозвищу Немой, более четверти века заседавший в Боярской думе – высшем административном органе Московского государства – и являвшийся ее формальным лидером при Елене Глинской, который опирался на поддержку широкой группы князей, подобно ему происходивших из суздальской ветви Рюриковичей. Для того, чтобы упрочить свое положение в качестве главы великокняжеского правительства, Василий Шуйский, несмотря на преклонный возраст, по свидетельству «Постниковского летописца» и «Львовской летописи» женился на юной племяннице Василия III, однако свое право на власть этот потомок Рюрика был вынужден отстаивать в борьбе с энергичным соперником из литовского княжеского рода Гедиминовичей, Иваном Федоровичем Бельским, который, будучи Рюриковичем по материнской линии, опирался и на натура-

Очень скоро вся полнота власти оказалась в руках княжеского клана Шуйских. Во главе его стоял князь Василий Васильевич Шуйский по прозвищу Немой, более четверти века заседавший в Боярской думе и являвшийся ее формальным лидером при Елене Глинской, который опирался на поддержку широкой группы князей, подобно ему происходивших из суздальской ветви Рюриковичей.

И принес великому князю Богом дарованного ему старшего сына его, царя и великого князя Ивана, на руках шурина его князь Михаил Глинский, а за ним пришла боярыня его Агрофена, жена Василия Андреевича; еще он тогда очень малым ребенком был, только трех лет и трех месяцев от рождения. И великий государь Василий склонился немного на одре своем, и слезы из очей, как струю, испуская, снял с себя крест Петра чудотворца и приложил к кресту сына своего...

лизовавшихся на русской службе литовских князей, и на часть московского боярства. В результате возникли две противоборствующие группировки, которые известны в исторической литературе под названием «боярских партий». Разумеется, эти устоявшиеся определения в значительной степени условны, так как, во-первых, обозначаемые

И принесоша к великому князю его дарованного старшего сына его царя и великого князя Ивана на рдкѣ. шд ринѣ кнѣзь миханлоглинскон. а за ним принде колдринна его шгровѣна пашеніе паженѣ шдрѣкѣ пнча. еше ко емоу тогда пемидѣтскѣ едциѣ. іако пріелѣкѣ и пріемцѣ шроженіа его. и великій гдѣрь пашеніа и поклонилъ есмалона шдрѣкѣ епое. и слезы шочіи шгакострдію непдцлаше. и несе себе крѣтъ петра чюдотворца. и приложи так крѣтъ ена епоего. и на чѣ

Благословил на великое княжение сына своего государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, бывшего в то время трехлетним.

и целовали ему животворящий крест все князья и бояре, и сановники, и все христиане по всем городам вотчины его государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси.

А благословил на великое княжение сына своего государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, бывшего в то время трехлетним.

И целовали ему животворящий крест все князья и бояре, и сановники, и все христиане по всем городам вотчины его государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси.

И бояре сказали великой княгине. И великая
княгиня, оберегая сына и землю, прика-
зала боярам: «Вчера крест целовали сыну
моему великому князю Ивану на том,
чтобы ему служить и во всем добра
хотеть, и вы по тому действуете – если
является зло, так чтобы оно не
распространялось».

И богарьска злани целни коникнигине. И вели-
кая княгиня оберегати сына и земли. при-
казала бояром, а чера ест крест целовати
сыну моему великому князю Ивану на то
чтоб ему служить и во всем добру хоти-
ти. И вы по тому и чините; коли
является зло. И вы бы с него
пространн

10

и бояре сказали великой княгине. И великая княгиня, оберегая сына и землю, приказала боярам: «Вчера крест целовали сыну моему великому князю Ивану на том, чтобы ему служить и во всем добра хотеть, и вы по тому действуете – если является зло, так чтобы оно не распространялось».

иначе были вынуждены взаимодействовать друг с другом.

Описывая события 1538/39 годов, автор «Воскресенской летописи» (наиболее раннего памятника с изложением этих событий, составленного, по всей видимости, в 1542-1543 годах и лояльного клану Шуйских) сообщает следующее: «Была вражда между боярами, князем Василием да князем Иваном Васильевичем Шуйскими и князем Иваном Федоровичем Бельским, и в той их брани повелели Шуйские и иные бояре убить великого князя дьяка Федора Мишурина». Вскоре после этого в ноябре 1538 года Василий Шуйский скончался, а сменивший его брат Иван перешел к более радикальным мерам. По свидетельству вышеупомянутой летописи, в феврале 1539 года был «сведен с митрополии Даниил митрополит боярином князем Иваном Васильевичем Шуйским и его советниками». Из этого следует, что к тому времени новый глава клана Шуйских (в начале 1540 года принявший титул «наместника московского»), по своей воле решал не только светские, но и церковные вопросы, к которым малолетний великий князь, разумеется, никакого отношения не имел. Правда, официальный «Летописец начала царства», первоначальный вариант которого, вероятно, был составлен в 1552-1553 годах и переработан во второй половине 1550-х годов, изложил обстоятельства этого конфликта более подробно с иной точки зрения. Во-первых, он сообщал, что через несколько дней после смерти Елены Глинской братья Шуйские «своим самовольством» расправились с князем Иваном Федоровичем Овчиной-Оболенским, фактическим главой великокняжеской администрации, которого посадили в оковы и уморили голодом, а во-вторых, упомянул, что в том же месяце великий князь выпустил из заключения

этим термином группировки имели нестабильный состав и не были партиями в современном смысле этого слова, а во-вторых, их предс-

тавители, получая придворные и военные должности по распределению, которое определялось степенью знатности их рода, так или

Исодикъ тинисопчѣй . брата княже семеновъ
 князя Івана Федоровича Бельскаго да сына
 Івана Михайловича Воротынскаго и сына
 пѣти . целѣбѣ пойма тинисѣи пелики
 и мѣти егѣ педика дѣи ги
 ни . и ѿсопачѣ
 Запретѣ
 пыпса
 ти .

А советников их, брата князя Семена князя Ивана Федоровича Бельского же да князя Ивана Михайловича Воротынского с детьми, велел схватить князь великий и мать его великая княгиня, и, оковав, посадить под стражу.

Поголѣта аѿгѣвѣ . аѿ . пойма тѣ бѣи кня
 Михаило ѿвопчанинскон вѣтѣтѣ захо
 тѣ дръжати пелики егѣ дръстѣ поросси
 снаго црѣпѣи . соединомыслены спонемъ
 хило семеновичѣ поронѣобы и не по пѣ
 сти и егѣ тѣи сопачѣ сопротивити . и про
 то и нѣ съ Михаило ѿвопчѣи посаженъ бѣи
 вѣолатѣ . гдѣ и на перѣтѣго сѣдѣлъ .
 и не стало его . и положенъ оутрѣцы .

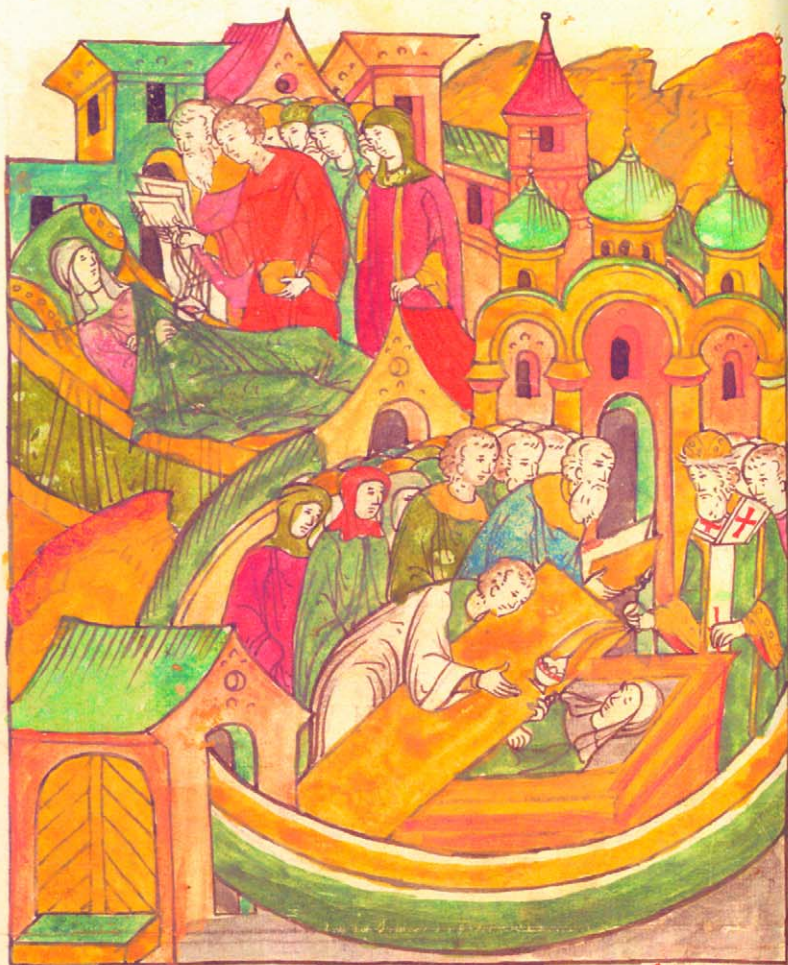
В том же году в августе в 19 (день) схвачен был князь Михаил Львович Глинский за то, что захотел держать великое государство Российского царства с единомышленником своим Михаилом Семеновичем Воронцовым; и не допустил им Бог таковое сотворить. И за то князь Михаил Львович посажен был в палате, где и ранее того сидел; и не стало его, и похоронен в Троицком монастыре.

подвергшихся преследованиям в правление его матери князя Ивана Федоровича Бельского и князя Андрея Михайловича Шуйского, введя обоих в состав Боярской думы (И.Ф. Бельский имел боярский чин с 1534 года, но лишился места в Думе после бегства в Литву одного из своих братьев, принадлежность к боярам А.М. Шуйского до того времени остается спорной).

Шуйские были вынуждены сотрудничать с Бельскими на протяжении полугода – с апреля до октября 1538 года. Как сообщает «Летописец начала царства», первые симптомы межкланового соперничества проявились, когда предприимчивый Бельский посоветовал великому князю пожаловать чинами своих сторонников Ю.М. Голицына-Булгакова и И.И. Хабарова (по сви-

детельству «Львовской летописи» это представление было сделано в отсутствие Шуйских). В итоге честолюбивый боярин был вновь посажен под арест, а его протезе отправлены в ссылку; входивший в эту группировку Федор Мишуриин был казнен, а митрополита Даниила, многолетнего сотрудника Василия III и Елены Глинской, опала постигла за то, что он был единомышленни-

В 7046 (1538) году в апреле в 3 день, в среду пятой недели святого Поста, во второй час дня, скончалась благоверного великого князя Василия Ивановича благоверная великая княгиня Елена, дочь князя Василия Львовича Глинского; а положена была в церкви Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, возле великой княгини Софии великого князя Ивана Васильевича.

Въ то. 3. мѣсѣ. апрѣлѣ г. 7046.
 пдѣтѣ нелистаго поста во 2 чадни.
 Престави се благовернаго великаго
 князя Василия Ивановича. благовер-
 наго великаго княгиня Елена, княжепа-
 сибѣ падшии до князя Глинского. По-
 жена бы до церкви. Вознесения наше-
 го Иисуса. по златѣ великаго княгиню Софию
 великаго князя Ивана Васильевича.

и были долгие поиски («взысканию довольну») митрополита, и божественными судьбами, по благодати святого духа, и великого государя-самодержца изволением, и по совету архиепископов и епископов и всего священного собора великой Руси, избран и наречен на митрополию Иоасаф Скрипицын, игумен Сергиева монастыря, живоначальной Троицы».

Хотя «Летописец начала царства», в отличие от более близкой к этим событиям «Воскресенской летописи», представляет подробную политическую картину, постоянно подчеркивая роль великого князя, однако тот являлся скорее свидетелем, чем участником политической борьбы, и вряд ли его мнением вообще интересовались. Как вспоминал Иван IV в послании к князю Андрею Курбскому – аристократу, близкому к правительственным кругам, но позднее вставшего в оппозицию к царю и весной 1564 года переметнувшемуся на сторону короля Польши: «...князь Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшиеся подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Данила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единокровным братом моим, святопочившим в бозе Георгием, начали

ком Бельского. Как рассказывалось далее: «Той же зимой великий государь, самодержец вся Руси, послал ко всем архиепископам и еписко-

пам, бывшим под его властью («государством»); и сошлись архиепископы и епископы в преименитый и царствующий град Москву,

В 7047 (1539) году. Была вражда между боярами князя Василия да князя Ивана Васильевичей Шуйских с князем с Иваном Федоровичем Бельским. И в той их брани повелели Шуйские и иные бояре великого князя дьяка Федора Мишурина раздеть на своем дворе (великого князя княжатами и боярским детям и дворянам), и нагого положили на плаху, и повелели его убить.

Приписки скорописью на полях:

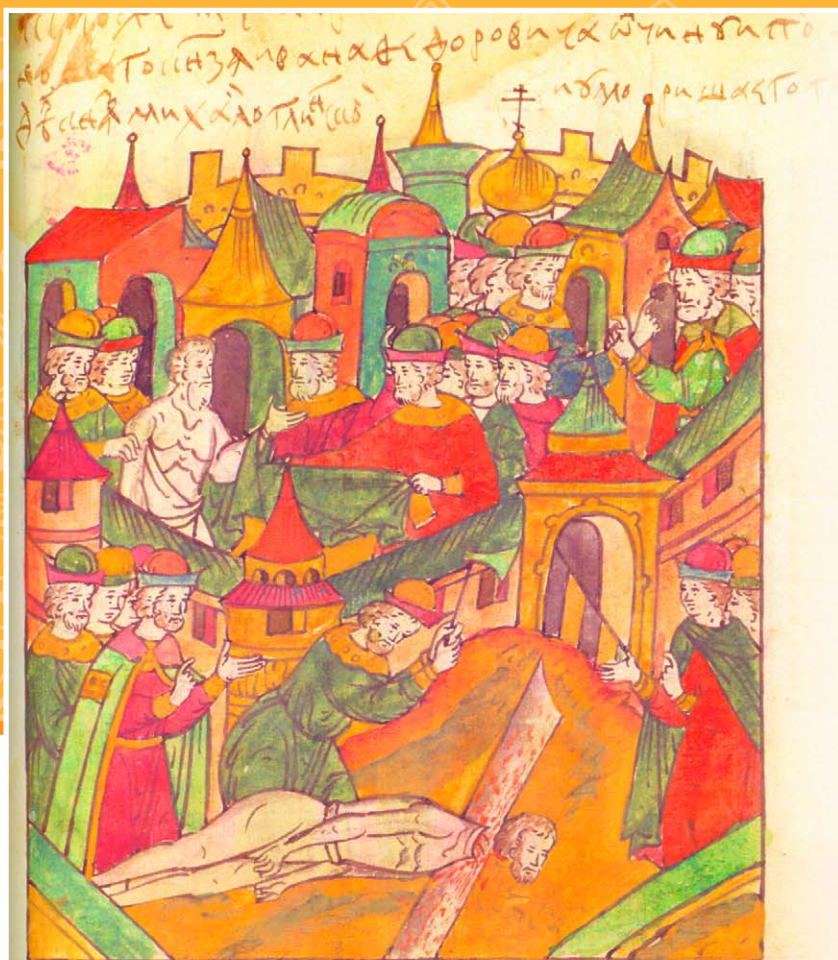
В том же месяце апреле Шуйские и иные бояре схватили боярина и конюшего князя Ивана Федоровича Овчину и посадили под стражу там, где сидел князь Михаил Глинский, и уморили его голодом на 6-й день.

А князя Ивана Федоровича Бельского посадили под стражу на его дворе, а боярина Михаила Васильевича Тучкова сослали из Москвы в его село.

* В скобки заключены вставки редактора летописи, написанные скорописью.

воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет – ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ».

Разумеется, подобное пренебрежение не могло не сказаться на формирующейся личности великого князя. Об этом говорил и сам Иван IV, вопрошавший своего адресата: «Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бесчисленные страдания, перенесенные мною в юности?» На первый взгляд возникает впечатление, будто причиной недовольства послужило расхищение великокняжеского имущества. Как свидетельствовал царь, «...подданные наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили!

Въ то время бѣсть поража мѣжъ бояръ къ записаниа дѣка и пана пасна іе пнчепъшоуискнхъ. сѣкнѣмъ свѣпаное Федоропчѣмъ бѣльскнмъ. и по той брани. поделѣша шоуискіе и нныіе бояре великаго кнѣзя дѣака Федора Мишурина въ дворѣ на своемъ дворѣ нага положи на плаху. и поделѣша его

уби
кнѣзя Ивана Федоро
вичѣмъ сѣкнѣмъ
и по той брани
поделѣша шоуискіе
и нныіе бояре великаго
кнѣзя дѣака Федора
Мишурина въ дворѣ на
своемъ дворѣ нага
положи на плаху. и по
делѣша его

Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери нашей перенесли в Большую казну,

при этом неистово пиная ногами и тыча палками, а остальное разделили». Однако вряд ли в восьмилетнем возрасте Иван IV был таким ревнителем родовой собственности. Скорее всего, мы имеем дело с двумя

И птои и врани попельша шднские.
 И иные бояре пеникого князя дьяка
 Федора Мишурина вбодрапни на сво-
 е дворк пеникого князя и князю и боя-
 реки дьбте и дпорадно. и нага положи
 на плаху. и попельша его казни ти
 смертною казнию. и вьбкоша главо
 его оупноре безгдрьского пельниа. в
 октврв. ка. вне.

И в той их брани повелели Шуйские и иные бояре великого князя дьяка Федора Мишурина ободрат на своем дворе великого князя князю и боярским детям и дворянам, и нагого положили на плаху, и повелели его казнить смертною казнию; и отсекли голову его у торем без веления государя в октябре в 21 день, в воскресенье.

бытовой («Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище... Сколько раз мне и поесть не давали вовремя») или инфантильный характер («...об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили...») могли восходить непосредственно к впечатлениям восьмилетнего великого князя. Вызвавшее негодование Ивана IV объединение личной казны великой княгини с государственной – скорее оценка взрослого человека произошедших ранее событий.

Конечно, Иван IV хотел представить, будто уже в те годы пытался действовать по своей воле. Он писал Курбскому: «...Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал на службу, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополи. Так же вот и князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому, а митрополита толкали и разорвали на нем ман-

уровнями восприятия ситуации, которые как бы наложились друг на друга. Не будем забывать, что между событиями 1538-1539 годов и их фиксацией в первом послании Ивана

летом 1564 года прошла четверть века, – за это время представления царя могли меняться, приобретать новое содержание. Мы полагаем, что те воспоминания, которые имеют

В том же году скончался (боярин) князь Василий Васильевич Шуйский. Той же зимой в феврале сведен с митрополитом Даниилом митрополит боярином князем Иваном Васильевичем Шуйским и его советниками.

тию с украшениями, а бояр тихали *взаией*». Как видно, представители правящей элиты Московского государства не особо считались с мнением великого князя, поэтому заявляя о том, что именно он удалил князя Шуйского, Ивана IV, мягко говоря, выдает желаемое за действительное. Его реальная политическая роль, скорее всего, ограничивалась формальными назначениями по представлению третьих лиц.

Соперничающие «партии» стремились провести своих приверженцев не только в администрацию на местах, но и в Боярскую думу. К лету 1540 года в результате новых назначений там упрочили свои позиции сторонники И.Ф. Бельского, а сам он 25 июля был освобожден из заключения по ходатайству порвавшего с Шуйскими митрополита Иоасафа. «Летописец начала царства» сообщает, что после этого «*вознегодовал по дьявольской зависти князь Иван Васильевич Шуйский; на митрополита и на бояр начал гнев держать, и к великому князю не ездил, и с боярами не советовался ни о государских делах, ни о земских; а на князя Ивана Бельского великую вражду имел и зло на него замышлял*». Патриарший список «Никоновской летописи» и «Львовская летопись», отразившие поздние редакции «Летописца начала царства» (1556 и 1560 года соответственно), добавляли, что «*промеж бояр великий мятеж был*».

По всей видимости, во второй половине 1540 года ситуация была близка к политическому коллапсу: как отмечает С.М. Каштанов, в период с июля до декабря была приостановлена выдача иммунитетных грамот, которую практиковало правительство Шуйских. От этого периода сохранилось лишь две точно датированные жалованные грамоты (21 ноября и 1 декабря), а в следующем 1541 году их количество по сравнению с 1538-1540 годами сократилось. Возможно, какой-то ком-

промисс между главами «партий» был достигнут в сентябре 1540 года, когда Шуйский и Бельский вместе сопровождали Ивана IV на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В 1541 году старший брат И.Ф. Бельского Д.Ф. Бельский стал лидером

Боярской думы и оставался в этом качестве до своей смерти в 1551 году, а И.В. Шуйский под предлогом очередного обострения отношений с Казанским ханством был отправлен воеводой во Владимир-на-Клязьме. Однако и он сам, и его сторонники

В том же году скончался боярин князь Василий Васильевич Шуйский. Той же зимой, в феврале, сведен с митрополита митрополит Даниил боярином князем Иваном Васильевичем Шуйским и его советниками.

**Того дѣла престѣпился бояринъ князь
Василей Васильевичъ Шуйской. той же
зимы февраля. сведенъ митрополитъ
Даниилъ митрополитъ. бояриномъ княземъ
Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ
и его советъ**

тнн

кн :

в Москве не собирались сдаваться. На рубеже 1541-1542 годов они подготовили и осуществили государственный переворот.

«Той же зимой, января 2-го, — рассказывает «Летописец начала царства», — пойман был великого князя боярин князь Иван Федорович

Бельский, без великого князя ведома боярским заговором, того ради, что [его] государь князь великий у себя в приближень держал и в первых советниках, да митрополита Иоасафа. И бояре потому вознегодовали на князя Ивана и на митрополита, и начали злоумышлять («злословити») со своими советниками, и к князю Ивану Васильевичу Шуйскому посылали во Владимир. А князь Иван Шуйский тогда был послан стоять для бережения от казанских людей. И князь Иван Шуйский во Владимире многих детей боярских к присяге («целованию») привел, чтобы они были в его заговоре («совете»). И срок бояре назначили («учинили») князю Ивану Шуйскому и его советникам быть в Москве из Владимира января 3-го, в понедельник. А в ночь с воскресенья («с недели») на понедельник по совету своих единомышленников поймали князя Ивана Бельского на его дворе и посадили его на Казенном дворе до утра. А князь Иван Шуйский той же ночью приехал из Владимира, и на завтра, в понедельник, сослали князя Ивана Бельского на Белоозеро в заточение. А советников князя Ивана Бельского, переловив, разослали по городам: князя Петра Михайловича Щенятева в Ярославль, а Ивана Хабарова в Тверь. А митрополиту Иоасафу начали бесчестие причинять и позор великий. Иоасаф митрополит не смог терпеть, сошел со своего двора на Троицкое подворье. И бояре послали детей боярских городовых на Троицкое подворье с непристойными («неподобными») речами. И с великим позором поносили его и чуть его не убили, едва отговорил их игумен троицкий Алексей Сергием чудотворцем от убийства. И был мятеж велик в то время в Москве, и государя в страхе оставив, сослали митрополита в Кириллов монастырь».

Этот сюжет входил в число тех, которые подверглись редактирова-

Той же зимой избран был на митрополию игумен Сергиева монастыря Иоасаф Скрипичин, а поставлен и совершен в феврале в шестой день, в четверг Мясопустной недели.

Той же зимы избранъ бы на митро
 полию . сергіепа монастыря игу
 менъ наса фъскрипичинъ . а по
 ставленъ и соверше
 нъ . февраля
 в 5 . днѣ .
 вѣ . ма
 сопоу
 стны
 а
 нели

включены в текст так называемой «Царственной книги», который, в свою очередь, был подвергнут более масштабной правке. Эти памятники – более позднего происхождения по сравнению с «Летописцем начала царства», они имеют весьма широкий диапазон датировок – от середины 1560-х годов (Д.Н. Альшиц, Р.Г. Скрынников), до конца 1560-х годов (Н.Е. Андреев, А.А. Зимин), середины 1570-х годов (Б.М. Клосс) и даже до второй половины 1570 – начала 1580-х годов (Н.П. Лихачёв, С.О. Шмидт, А.А. Амосов), из которых наиболее актуальными в историографии последних десятилетий являются две последние. По всей видимости, дополнения в тексте Синодального списка и «Царственной книги» были призваны скорректировать представления об эпохе «боярского правления» (как по традиции именуется период 1538-1547 годов) и последующего правления «Избранной рады» (как назвал А.М. Курбский царское правительство 1547-1560 годов во главе с протопопом Сильвестром и околичничим Алексеем Адашевым). В одних случаях в приписках упоминалось о фактах боярского самоуправления (одно из дополнений Синодального списка под 1538 годом сообщало об убийстве Ивана Овчины-Оболенского); в других случаях интерпретации некоторых событий придавалась противоположная тенденция. Так в Синодальном списке, который рассказывал о борьбе Шуйских с Бельскими и об убийстве Федора Мишурина согласно с «Воскресенской летописью», появилась приписка с подробным изложением инцидента («...Повелели Шуйские и иные бояре великого князя дьяка Федора Мишурина раздеть на своем дворе, великого князя княжатам, и боярским детям, и дворянам, и нагого поло-

нию при составлении Синодального списка «Лицевого летописного свода» – грандиозного иллюстрированного компендиума, который историк А.Е. Пресняков назвал «Московской исторической энциклопедией XVI века».

Неизвестный редактор Синодального списка, охватывающего историю Московского государства с 1535 по 1567 год, оставил на его полях несколько маргиналий (приписок); позднее были

О поимании князя Ивана Бельского. Той же зимой в январе во второй день пойман был великого князя боярина князь Иван Федорович Бельский без ведома великого князя, советом боярским, и из-за того, что его государь князь великий у себя в приближении держал и в первосоветниках, да митрополита Иоасафа. И бояре о том вознегодовали на князя Ивана и на митрополита, и начали злосоветовать со своими советниками,

жили на плаху и повелели его убить, а князя Ивана Федоровича Бельского поймали и посадили под стражу, а боярина Михаила Васильевича Тучкова выслали из Москвы в его село», тогда как в «Царственной книге» сообщалось только, что Тучков действовал заодно с Бельским, но ничего не говорилось о его ссылке; при этом автор текста упрекал бояр в том, что они пеклись только о своем, «а не о государском и не о земском» (эти слова присутствуют и в «Львовской летописи»).

М.В. Тучков являлся объектом нападок Ивана в первом послании князю Андрею Курбскому, где он упрекал Тучкова (деда адресата по материнской линии) в том, что тот дерзко отзывался о матери Ивана Елене Глинской после ее смерти, участвовал в объединении личной казны правительницы с государственной и разделе великокняжеского имущества. В XX веке сложилось представление, что редактором текста или даже автором приписок мог быть сам Иван Грозный (в пользу первой версии выступили С.Ф. Платонов, С.В. Бахрушин, С.Б. Веселовский, Р.Г. Скрынников, Б.М. Клосс, В.В. Морозов; в пользу второй Д.Н. Альшиц, А.А. Зимин и – с некоторыми оговорками – С.О. Шмидт). С одной стороны, в первом послании Грозного Курбскому присутствуют пассажи, сходные с некоторыми из приписок, но некоторые исправленные места упомянутых летописей в то же время вступают в противоречие с тенденциями его посланий. С другой стороны, учитывая значительный временной промежуток, отделяющий Синодальный список и «Царственную книгу» от событий «боярского правления», нельзя не заметить, что их составитель был достаточно хорошо информирован. В этом можно убедиться, обра-

Неизвестный редактор Синодального списка оставил на его полях несколько маргиналий (приписок); позднее были включены в текст так называемой «Царственной книги», который, в свою очередь, был подвергнут более масштабной правке.

*ѿ поиманіи князя Івана Бельскаго .
Той зимы в январе в . . . поиманъ бы
великого князя боярина князь Иван
Федорович Бельскон . без великого князя
ведома советом боярским . тогда
что его государь князь великий у себя в
приближеніи держа и первосоветники
да митрополита Иоасафа . и бояре
о том вознегодоваша на князя
Ивана . и на митрополита . и начали
злосоветовати . со своими советниками .*

А советников князя Ивана Бельского, схватив, разослали по городам: князя Петра Михайловича Щенятева – в Ярославль, а взяли князя Петра у государя из комнаты задними дверьми.

тившись, например, к январским событиям 1542 года, закончившихся свержением Бельского.

Начало рассказа «О поимании князя Ивана Бельского» в «Летописце начала царства», Синодальном списке и «Царственной книге» совпадает; расхождения начинаются после сообщения о заточении Бельского на Казенном дворе (дополнения «Царственной книги» выделены курсивом – Д.Б.): «...А князь Иван Шуйский той же ночью приехал из Владимира на Москву со своими советниками, без великого князя веления, а великий князь того не ведал; а вперед его приехал сын его, князь Петр да Иван Большой-Шереметев, а с ними человек триста; а в том заговоре («совете») были бояре: князь Михаил да князь Иван Кубенские, князь Дмитрий Палецкий, казначей Иван Третьяков, да княжата и дворяне, и дети боярские многие, а новгородцы Великого Новгорода всем городом. И назавтра, в понедельник, сослали князя Ивана Бельского на Белоозеро в заточение. А советников князя Ивана Бельского, переловив, разослали по городам: князя Петра Михайловича Щенятева в Ярославль, а взяли князя Петра у государя из комнаты с задних дверей; а Ивана Хабарова взяли на подворье и посадили его на дворе Фомы Головина в погреб под палату, а оттуда сослали его в Тверь. А митрополиту Иоасафу начали бесчестие причинять и позор великий, и камни бросать в келью. Иоасаф митрополит не смог того терпеть, сошел со своего двора на Троицкое подворье, и бояре послали детей боярских, новгородцев Великого Новгорода на Троицкое подворье с непристойными речами. И с великим позором поносили его и чуть его не убили, едва отговорил их игумен троицкий Алексей Сергием чудотворцем от убийства, да боярин князь Дмитрий Палец-

*А советников князя Ивана Бельского
переловив, разослали по городам: князя
Петра Михайловича Щенятева в
Ярославль, а взяли князя Петра
у государя из комнаты
задними
дверьми*

кий. И был мятеж велик в то время в Москве, и государя в страхе оставили. А как князя Ивана Бельского схватили, бояре пришли к государю в постельные хоромы не по времени,

за три часа до рассвета, и петь у крестов заставили. А митрополит Иоасаф в ту пору пришел к государю в комнату, и бояре пришли за ним к государю в комнату с шу-

И панаха кароппа зашана попоріе
 и посадиша его на фоминк дпорік
 голопина в погрекъ пополатіѣ . а ѡ
 тоудѣ соелаша его по тперѣ .

А Ивана Хабарова взяли на подворье и посадили его на дворе Фомы Головина в погребе под палату, а оттуда сослали в Тверь.

А митрополит іоасаф днатиша бече
 летіе нерамотоучини пелнісдію . и ка
 меніемъ по сѣбі ешнѣ . и ѡаѣ мн
 трополи не поумотго тропікѣтн .
 соиде се по егдѣ борѣ на троіцкѣ попорѣ .

А митрополиту Иоасафу начали бесчестье и срамоту чинить великую и камнями по келье бросать. Иоасаф митрополит не смог того терпеть, сошел со своего двора на Троицкое подворье.

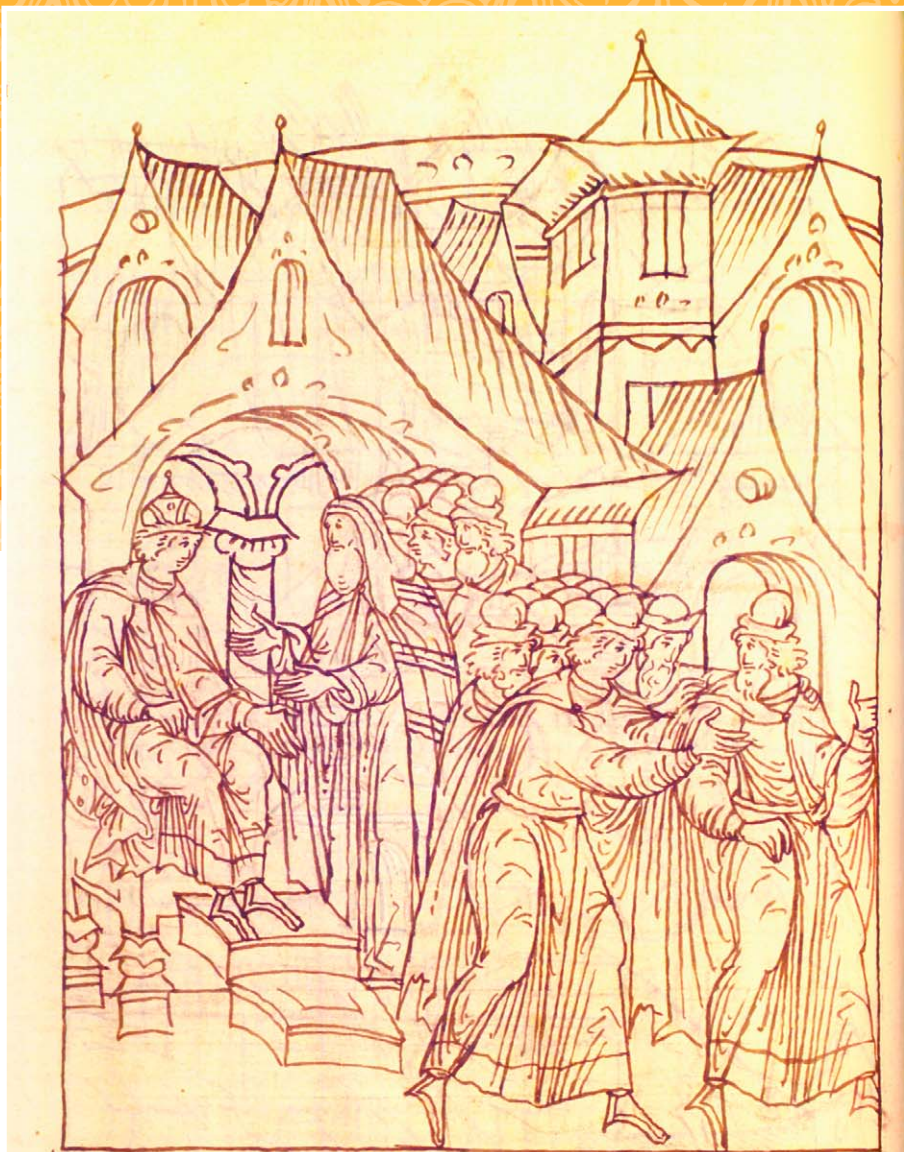
мам; и сослали бояре митрополита в Кириллов монастырь». Как и «Летописец начала царства», Синодальный список и «Царственная книга» завершают рассказ сообщением об убийстве Ивана Бельского на Белозере по приказу бояр, которое было совершено «без великого князя ведома, боярским самовольством» в мае 1542 года.

Автор этого дополнения старается подчеркнуть, что переворот произошёл по произволу бояр, и тем

Рассказ о «группе поддержки» Ивана Шуйского, способствовавшей его возвращению к власти, мог быть вставлен любым современником событий, но подробное изложение того, что происходило в «постельных хоромаш» великого князя, позволяет предполагать, что дополнения принадлежали не просто современнику, а хорошо информированному очевидцу.

В 1543 (1543) году 9 сентября великого князя бояре, (князь Иван и князь Андрей Михайловичи Шуйские да князь Федор Иванович Шуйский, да их советники, князь Дмитрий Курлятев да князь Иван Шемяка, да князь Иван Турунтай Пронские, да Алексей Басманов Плещеев и иные советники) взволновались между собой перед великим князем и перед митрополитом в Столовой избе у великого князя на совете. Князь Андрей Шуйский да Кубенские и их советники (и Палецкий в том совете с ними был же) схватили Федора Семенова, сына Воронцова, за то, что его великий государь Иван Васильевич жалует и бережет.

самым представить их нарушителями воли великого князя. Рассказ о «группе поддержки» Ивана Шуйского, способствовавшей его возвращению к власти, мог быть вставлен любым современником событий, но подробное изложение того, что происходило в «постельных хоромаш» великого князя, позволяет предполагать, что дополнения принадлежали не просто современнику, а хорошо информированному очевидцу. Следует обратить внимание на то, что в число заговорщиков попали «новгородцы Великого Новгорода всем городом» (где наместником в то время был князь И.М. Шуйский). Нельзя не отметить, что в приписке уделено пристальное внимание злоключениям митрополита Иоасафа (кстати, одного из крестных отцов Ивана IV), о которых ранее упоминалось и в первом послании к Курбскому. Позднее отношение царя к иерарху несколько изменилось. В послании к монахам Кирилло-Белозерского монастыря (которое, вероятно, относится к осени 1573 года), Иван осуждает «порядки», заведенные в Троице-Сергиевой обители, где Иоасаф «тировал с клирошанами», но, возможно, эмоциональное послание «преподобному игумену Козьме», где царь представлял себя то «грешным», «окаянным», «скверным», «смердящим псом», то «ревнителем благочестия», носило частный характер, как и данные в нем компрометирующие характеристики. Учитывая то, что Синодальный список и «Царственная книга» носят официаль-

Вѣсто. зна. сѣте. ѿ. Великого князя
 бояре по зловолюи сам между со
 бою. предъ великим княземъ. и пе
 ре митрополитомъ. въ столы поише
 оу великого князя на совети. князь
 ивандръ шуйской. да кубенскыи
 ии хъ святкиицы. и зымаша Федора
 семенова сына воронцова. за то что
 великий государь жалуетъ. и беретъ.

И били его по щекам, и платье на нем ободрали, и хотели его убить по велению государя. /И едва у них митрополит вымолил от убийства/.

Приписки скорописью на полях:

И послал к ним государь митрополита и бояр своих, Ивана и Василия Григорьевичей Поплевиных Морозовых, чтобы Шуйские Федора не убили.

И били его по щекам, и платье на нем ободрали, и хотели его убить по велению государя. /И едва у них митрополит вымолил от убийства/.

И послал к ним государь митрополита и бояр своих, Ивана и Василия Григорьевичей Поплевиных Морозовых, чтобы Шуйские Федора не убили.

ный характер, следует согласиться с тем, что «источником информации» был Иван Грозный. Из сохранившейся описи царского архива известно, что он знакомился с материалом, предназначенным для включения в летопись. Трудно сказать, принадлежали ли летописные приписки ему самому, так как автографы царя точно не установлены, но можно предполагать, что эти приписки, в какой-то мере, отражают личные впечатления царя. Показательно, что один из ведущих специалистов по эпохе Ивана Грозного историк Сигурд Оттович Шмидт допускает, что «психическое состояние царя, столь деятельно участвовавшего в работе над своей царской летописью, не могло не отразиться и на ее редактировании», отмечая, что «у лиц с расстроенной психикой особенно заметно несовпадение воспоминаний с оценками, современными или близкими по времени к описываемым событиям». Хотя вопрос о психическом состоянии Ивана IV уже более ста лет остается предметом дискуссий, вне сомнения, при решении вопроса об атрибуции приписок необходимо учитывать не только те или иные политические тенденции, но и психологические факторы.

Возвращаясь к январским событиям 1542 года, отметим, что летописи лишь глухо сообщают о том, что великий князь был испуган, но дворцовый переворот 1542 года был далеко не последним потрясением, которое довелось испытать Ивану IV. Стремясь упрочить свое

То иже з нмъ дер . ка . князъ пелнскіи
 и панти пасналь енти псега роуеи . не
 мога того терпѣти . что бо та ребе
 чиніе и самопшльстпочиніа безъ пе
 лногокнъ запелтніа . спойсоѣтпо
 единомыслены спонхъ сопѣтпни
 коопъ . мнѡгїе оубїи спасотпорн
 шаспонтѣнїемъ . и мнѡгїе не
 працды зема тѡучиниша . пѣгдѣреще

Той же зимой 29-го декабря князь великий Иван Васильевич вся Руси не смог терпеть того, что бояре бесчиние и самовольство творят без великого князя веления, своим советом и единомышленными своими советниками многие убийства сотворили своим хотением (и перед государем многие бесчестия учинили), и многие неправды земле учинивши во время государевой.

положение, Шуйские, прежде всего, избавились от своего главного конкурента И.Ф. Бельского: по свидетельству «Постниковского летописца» на него наложили цепи и оковы весом с десять пудов и уморили голодом (впрочем, летописец добавляет, что по слухам опальный боярин был убит некими Гришею Ожеговым, Митькою Клобуковым да Петроком Зайцовым, что также находит подтверждение в «Львовской летописи»). Но, по всей видимости, Шуйским, как отмечает М.М. Кром, все же пришлось пойти на компромисс и разделить власть с Д.Ф. Бельским, который в этот период курировал внешнюю политику Московского государства. Нельзя также сбрасывать со счетов и третью политическую силу – нетитулованное московское боярство, среди которого пользовался влиянием клан Воронцовых. В 1543 году, когда Шуйских вместо умершего к тому времени Ивана Васильевича возглавил князь Андрей Михайлович, представитель другой ветви этого рода, между двумя кланами произошло открытое столкновение. Вероятно, опасаясь политической конкуренции, А.М. Шуйский арестовал приближенного Ивана IV Федора Воронцова, при этом нападению подвергся даже митрополит Макарий – ставленник И.В. Шуйского, сменивший на кафедре опального Иоасафа (отношения с Мака-

рием, ранее возглавлявшим новгородско-псковскую епархию, по всей видимости, испортились у А.М. Шуйского еще с того времени, когда в 1539-1540 годах он возглавлял великокняжескую администрацию в Пскове, где отличился особой жестокостью).

Выше мы привели царскую интерпретацию этого инцидента в первом послании к Курбскому, а вот как описывает его «Летописец начала царства»: *«Сентября 9-го великого князя бояре взволновались между собою перед великим князем и митрополитом в Столовой избе у великого князя на совете. Князь Андрей Шуйский да Кубенские и иные их советники схватили Федора Семеновича, сына Воронцова, за то, что его великий государь жалует и бережет, били его по икрам и платью на нем порвали и хотели его убить, едва их митрополит отговорил от убийства. Они же вывели его из сеней великого князя с большим позором, били и толкали на площади, и отослали его за Неглинную, на двор Ивана Зайцева, и послали его на службу в Кострому с сыном его Иваном». Как метко подметил Николай Михайлович Карамзин, «Искусство сих Олигархов состояло в том, чтобы не терпеть противоречия в Думе и допускать до Государя единственно преданных им людей, удаляя всех, кто мог бы быть для них опасен или смелостию, или разумом, или*

Вероятно, опасаясь политической конкуренции, А.М. Шуйский арестовал приближенного Ивана IV Федора Воронцова, при этом нападению подвергся даже митрополит Макарий – ставленник И.В. Шуйского, сменивший на кафедре опального Иоасафа (отношения с Макарием, ранее возглавлявшим новгородско-псковскую епархию, по всей видимости, испортились у А.М. Шуйского еще с того времени, когда в 1539-1540 гг. он возглавлял великокняжескую администрацию в Пскове, где отличился особой жестокостью).

молодости, и великий государь велел схватить первосоветника их князя Андрея Шуйского и велел его предати псарям.

И псаря взяли и убили его, волоча к тюрьмам, против ворот Ризположенских в городе.

благородными качествами сердца». Судя по переписке Грозного с Курбским, подобные инциденты негативно отразились на формировавшейся личности будущего царя, посеяв в его душе недоверие, подозрительность и враждебность к представителям боярской элиты, которых Иван IV был готов обвинять едва ли не во всех смертных грехах.

Менее чем через четыре месяца произошла новая смена власти, которую иногда рассматривают как первый осознанный политический акт Ивана IV. «Летописец начала царства» сообщает: «Той же зимой, декабря 29-го, князь великий Иван Васильевич всяя Руси не мог терпеть, что бояре бесчинье и самовольство чинят без великого князя веления, своим советом единомысленных своих советников многие убийства сотворили по своему хотению и многие неправды земле учинили в государеву молодость. И великий государь велел поймать первого советника их, князя Андрея Шуйского, и велел его передати псарям. И псаря взяли и убили его, поволочив к тюрьмам против ворот Ризположенских в городе». Не только об убийстве князя, но и о ссылке его советников упоминается в поздних редакциях «Летописца» по Патриаршему списку «Никоновской летописи» и в «Львовской летописи», но в приписке к Синодальному списку и в «Царственной книге» говорится более подробно о том, что Иван IV «советников его разослал, — князя Федора Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных, — и от тех мест начали бояре бояться, от государя страх иметь и послушание». Но имеем ли мы основания приписать Ивану IV инициативу свержения Андрея Шуйского, и был ли этот акт началом его самостоятельного правления?

младости. и целі кінгдрь пелжаты пои
мапнпершосоцтпникані. кнѣзмань
дріаштійского. и пелжатыго предати
псаремъ :

И псаря зъдшанюувиша его плекую
и целі кінгдрь пелжаты пои
мапнпершосоцтпникані. кнѣзмань
дріаштійского. и пелжатыго предати
псаремъ :

А советников его (князя Федора Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных) разослал; и с того времени начали бояре перед государем страх иметь (и послушание).

Яко шуйские князья и бояре
 разослаша советников своих
 и с того времени бояре
 начали перед государем
 страх иметь и послушание.

Относительно первого вопроса и официальное летописание и оппозиционный князь Андрей Курбский (составивший для польских читателей критическую «Историю о великом князе Московском») давали положительный ответ, однако в продолжении еще одного исторического компендиума начала XVI века – «Русского Хронографа» или «Хронографической летописи 1451-1551 годов» (по С.П. Розанову) – говорилось, что А.М. Шуйский был убит псарями «у Куретиных ворот повелением боярским» и «лежал нагим в воротах два часа», поэтому следует согласиться с А.А. Зиминим, считавшим этот акт очередным боярским переворотом. Так как «Хронографическая летопись», по всей видимости, современна «Летописцу начала царства», несмотря на некоторые ее неточности, нет оснований сомневаться в приведенном ею свидетельстве, которое резко контрастирует со стремлением более позднего летописания представить свержение А.М. Шуйского как целенаправленную акцию великого князя по устрашению боярства. Следовательно, в начале 1550-х годов существовала точка зрения, альтернативная официальной интерпретации событий 1543 года, представлявшей политическую роль Ивана IV несколько преувеличенной и этот переворот не может считаться началом его самостоятельного правления. Дело в том, что состав Боярской думы в этот период можно охарактеризовать как «коалиционный», ибо каждая «партия», приходя к власти, пыталась провести в нее своих сторонников. К концу 1543 года рядом с приверженцами клана Шуйских (князя И.М. Шуйский, М.И. и И.И. Кубенские, возможно Д.Д. Пронский, Ф.И. Скопин-Шуйский и А.Б. Горбатьев-Шуйский), там были предс-

Възвѣстѣ дѣлахъ великого князя
 перниинъ опалоу есѣоу на князя на
 на кубенского за то что он
 моу князю гдрю не доброхотствовали
 не го гдрь стѣо мнѣ гдrene прадоути
 нили . и перникоу мздо не стѣо учини
 и мнѣ гднемъ мѣжи . и бояръ мнѣги
 безъ перникоу гдря делѣнїи побили .

В 7053 (1544) году 16-го декабря

положил князь великий опалу свою на князя на Ивана Кубенского за то, что он (с иными боярами) великому князю государю не доброхотствовали и его государству многие неправды чинили, и великое мздоимство учинили, и многие мятежи, и бояр многих без великого государя веления погубили.

тавлены и члены «партии» Бельских (Д.Ф. Бельский, Ю.М. Голицын-Булгаков, В.Г. и И.Г. Морозовы), а кроме того, князь П.И. Репнин-Оболенский и два князя Ростовских, поэтому, можно предположить, что вскоре после избиения Ф.С. Воронцова, чей брат И.С. Воронцов также был членом Думы, А.М. Шуйский просто лишился поддержки большей части своих коллег, настроивших против него Ивана IV.

В 1544 году великий князь вновь приблизил к себе опального Ф.С. Воронцова, пожалованного в бояре, чуть позже его брат и племянник получили назначения не только в Боярскую думу, но и в дворцовое ведомство. Но Воронцов не имел монополии на власть и по свидетельству «Царственной книги» досадовал на то, что Иван IV производил пожалования без его ведома. Так как рядом с великим князем оставались лица, принадлежавшие к «партии» Шуйских (И.И. Кубенский, Дм. Ф. Палецкий и др.), которые продолжали играть видную политическую роль, можно сказать, что после убийства А.М. Шуйского образовалось новое «коалиционное правительство». По всей видимости, в конце 1544 года в дела постепенно стал вмешиваться Иван IV. «Декабря 16-го положил князь великий опалу свою на князя, на Ивана Кубенского, за то, что они великому государю не доброхотствовали и его государству многие неправды чинили и великое мздоимство учинили и многие мятежи, и бояр без великого государя веления многих побили» – сообщает «Летописец начала царства». Впрочем, опала И.И. Кубенского была недолгой и закончилась весной 1545 года. Зато следующая опала в октябре того же года коснулась почти всех причастных к управлению лиц. Иван IV

И положил опалу на бояр своих за их неправду, на князя Ивана Кубенского и на князя Петра Шуйского, и на князя Александра Горбатого, и на Федора Воронцова, и на князя Дмитрия Палецкого; и устроив свое дело, поехал в Москву в Можайск того же месяца октября девятого, а на Москву приехал князь великий четырнадцатого ноября.

«...положил опалу на бояр своих за их неправду: на князя Ивана, на Кубенского, и на князя Петра, на Шуйского, и на князя Александра Горбатого, и на Федора, на Воронцова, и на князя Дмитрия, на Палецкого», но через пару месяцев эта опала была снята по ходатайству митрополита Макария. Наконец, как сообщает тот же «Летописец», летом 1546 года в Коломне приближенный Ивана IV Василий Григорьевич Захаров-Гнильев оклеветал перед ним бояр и «велел казнить князь великий князя Ивана Кубенского, Федора Воронцова, Василия, Михайлова сына, Воронцова же. Отсекли им головы месяца июля 21-го. А Ивана, Петрова сына, Федорова, повелел поймать и сослать на Белоозеро и велел посадить его под стражу, а Ивана Михайлова сына, Воронцова же, велел поймать». По свидетельству «Постниковского летописца» его неоднократно пытали, а публичная казнь других опальных совершилась столь быстро, что при ней не было проведено отпущения грехов.

В «Лицевом Летописном своде» описание этих событий было дополнено. Поскольку соответствующий фрагмент Синодального списка, имеющего лакуну в описании событий 1543-1553 годов, утрачен, его содержание восстанавливается по копии, сделанной в XVII веке и известной под названием «Алексиановской летописи». В дополнение к информации из «Летописца начала царства» эта летопись сообщает, что во время пребывания Ивана IV в Коломне к нему во время верховой прогулки стали приставать с прошениями пищальники из Новгорода, вследствие чего возникло столкновение между ними и великокняжеской охраной. Расследование этого дела было поручено дьяку Захарову, а тот стал обвинять в случившемся

И положитъ опалу на бояръ своихъ за
нѣсправднѣна князя кубенскаго
по . и на князя Петра шуйскаго . и на
князя Александра горбатого . и на Федо
ра на поротынца . и на князя Дмит
рия на палецкаго . но устроитъ свое дѣ
ло по Фалгъмосисъ по можайскъ . того
мѣсяца . втораго . а на Москвѣ при Фалгъ
кна пелникѣ . ноября . двѣдцати .

му их неудобству, что многие мзды в его государстве взимали во многих государственных и земских делах за многое их сопротивление.

И велел казнить великий князь Ивана Кубенского, Федора Воронцова, Василия Михайлова, сына Воронцова же: отсекли им головы месяца июля в 21 (день), в субботу.

в «Алекса́ндро-Невской летописи». Очевидно, что в данном случае дополнения в изложение этих событий были внесены для того, чтобы представить Ивана IV жертвой интриги, окончательно погубившей «коалиционное правительство» 1544 года. Хотя некоторые его члены (А.Б. Горбачев-Шуйский, Дм. Ф. Палецкий) уцелели, власть перешла к другой

политической группировке, которую возглавляли Юрий и Михаил Глинские – братья Елены Глинской и дядья Ивана IV, до тех пор державшиеся в тени. Интересно, что в первом послании к Курбскому царь пишет: «...когда же нам исполнилось пятнадцать лет, то взяли сами управлять своим царством («строить свое царство»»). Иными

словами, Иван IV относил начало своего самостоятельного правления ко второй половине 1545 года, то есть к тому времени, когда произошла первая опала Федора Воронцова и его коллег. Возможно, именно с этого момента он начал принимать самостоятельные решения и почувствовал ответственность за государственные дела.

А Ивана Петрова, сына Федоровича, велел схватить и сослать на Белоозеро, и велел его посадить под стражу, и Ивана Михайлова, сына Воронцова, велел арестовать.